Саша Черный

СМЕХ СКВОЗЬ СЛЕЗЫ

Саша Чёрный

Смех сквозь слезы

«Фолио»

Чёрный С.

Смех сквозь слезы / С. Чёрный — «Фолио»,

ISBN 978-966-03-4667-3

Прекрасный русский поэт, прозаик и переводчик Саша Черный (его настоящее имя Александр Гликберг) родился в 1880 году в Одессе. Еще будучи совсем молодым, он стал известным: первые же публикации в сатирических журналах принесли ему славу обличителя мелочного, пустого, суетного мещанского существования. Но уже совсем скоро Черный переходит к "чистой" лирике, тонким пейзажным и психологическим зарисовкам. Во время Первой мировой войны поэт был санитаром. Эта страшная тема звучит во многих его стихотворениях. Не приняв Октябрьскую революцию, Саша Черный навсегда покидает Россию. Он умер в 1932 году, совсем неожиданно – помогал тушить пожар на соседней ферме, и сердце его не выдержало… Творчество Саши Черного никого не оставит равнодушным. В этот сборник вошли его лучшие стихотворения из книг "Сатиры", "Сатиры и лирики", "Жажда" и чудесные стихотворения для детей под названием "Детский остров".

ISBN 978-966-03-4667-3

© Чёрный С.
© Фолио

Содержание

Из книги «Сатиры» 5
Критику 5
Всем нищим духом 7
Пробуждение весны 7
«Все в штанах, скроённых одинаково…» 7
Опять 9
Культурная работа 10
Желтый дом 11
Интеллигент 13
Диета 14
Два желания 15
Быт 16
Всероссийское горе 16
В гостях 17
Мухи 18
Литературный цех 21
В редакции толстого журнала 21
«Смех сквозь слезы» 23
Трагедия 24
Невольная дань 26
Молитва 26
Послания 28
Кумысные вирши 28
Провинция 32
Бульвары 32
При лампе 33
На галерке 34
На музыкальной репетиции 35
Лирические сатиры 37
Под сурдинку 37
Из книги «Сатиры и лирика» 38
Бурьян 38
«Безглазые глаза надменных дураков…» 38
Конец ознакомительного фрагмента. 40

Саша Черный
Смех сквозь слезы

Из книги «Сатиры»

Критику

Когда поэт, описывая даму,
Начнет: «Я шла по улице.
В бока впился корсет», —
Здесь «я» не понимай, конечно, прямо —
Что, мол, под дамою скрывается поэт.

Я истину тебе по-дружески открою:
Поэт – мужчина. Даже с бородою.

1909

Всем нищим духом

Пробуждение весны

Вчера мой кот взглянул на календарь
И хвост трубою поднял моментально,
Потом подрал на лестницу, как встарь,
И завопил тепло и вакханально:
«Весенний брак! Гражданский брак!
Спешите, кошки, на чердак…»

И кактус мой – о, чудо из чудес! —
Залитый чаем и кофейной гущей,
Как новый Лазарь, взял да и воскрес
И с каждым днем прет из земли все пуще.
Зеленый шум… Я поражен:
«Как много дум наводит он!»

Уже с панелей смерзшуюся грязь,
Ругаясь, скалывают дворники лихие,
Уже ко мне забрел сегодня «князь»,
Взял теплый шарф и лыжи беговые…
«Весна, весна! – пою, как бард, —
Несите зимний хлам в ломбард».

Сияет солнышко. Ей-богу, ничего!
Весенняя лазурь спугнула дым и копоть,
Мороз уже не щиплет никого,
Но многим нечего, как и зимою, лопать…
Деревья ждут… Гниет вода,
И пьяных больше, чем всегда.

Создатель мой! Спасибо за весну! —
Я думал, что она не возвратится, —
Но… дай сбежать в лесную тишину
От злобы дня, холеры и столицы!
Весенний ветер за дверьми…
В кого б влюбиться, черт возьми?

1909

«Все в штанах, скроённых одинаково…»

Это не было сходство,
допустимое даже в лесу, —
это было тождество,

это было безумное превращение
одного в двоих.

Л. Андреев. «Проклятие зверя»

Все в штанах, скроённых одинаково,
При усах, в пальто и в котелках.
Я похож на улице на всякого
И совсем теряюсь на углах…

Как бы мне не обменяться личностью:
Он войдет в меня, а я в него, —
Я охвачен полной безразличностью
И боюсь решительно всего…

Проклинаю культуру! Срываю подтяжки!
Растопчу котелок! Растерзаю пиджак!!
Я завидую каждой отдельной букашке,
Я живу, как последний дурак…

В лес! К озерам и девственным елям!
Буду лазить, как рысь, по шершавым стволам.
Надоело ходить по шаблонным панелям
И смотреть на подкрашенных дам!

Принесет мне ворона швейцарского сыра,
У заблудшей козы надою молока.
Если к вечеру станет прохладно и сыро,
Обложу себе мохом бока.

Там не будет газетных статей и отчетов.
Можно лечь под сосной и немножко повыть.
Иль украсть из дупла вкусно пахнущих
сотов,
Или землю от скуки порыть…

А настанет зима – упираться не стану:
Буду голоден, сир, малокровен и гол —
И пойду к лейтенанту, к приятелю Глану:
У него даровая квартира и стол.

И скажу: «Лейтенант! Я – российский
писатель,
Я без паспорта в лес из столицы ушел,
Я устал, как собака, и – веришь, приятель, —
Как семьсот аллигаторов зол!

Люди в городе гибнут, как жалкие слизни,
Я хотел свою старую шкуру спасти.

Лейтенант! Я бежал от бессмысленной жизни
И к тебе захожу по пути…»

Мудрый Глан ничего мне на это не скажет,
Принесет мне дичины, вина, творогу…
Только пусть меня Глан основательно свяжет,
А иначе – я в город сбегу.

1907 или 1908

Опять

Опять опадают кусты и деревья,
Бронхитное небо слезится опять,
И дачники, бросив сырые кочевья,
Бегут, ошалевшие, вспять.

Опять, перестроив и душу, и тело
(Цветочки и летнее солнце – увы!),
Творим городское, ненужное дело
До новой весенней травы.

Начало сезона. Ни света, ни красок,
Как призраки, носятся тени людей…
Опять одинаковость сереньких масок
От гения до лошадей.

По улицам шляется смерть. Проклинает

Безрадостный город и жизнь без надежд,
С презреньем, зевая, на землю толкает
Несчастных, случайных невежд.

А рядом духовная смерть свирепеет
И сослепу косит, пьяна и сильна.
Всё мало и мало – коса не тупеет,
И даль безнадежно черна.

Что будет? Опять соберутся Гучковы
И мелочи будут, скучая, жевать,
А мелочи будут сплетаться в оковы,
И их никому не порвать.

О, дом сумасшедших, огромный и грязный!
К оконным глазницам припал человек:
Он видит бесформенный мрак безобразный,
И в страхе, что это навек,

В мучительной жажде надежды и красок
Выходит на улицу, ищет людей.
Как страшно найти одинаковость масок
От гения до лошадей!

1908

Культурная работа

Утро. Мутные стекла как бельма,
Самовар на столе замолчал.
Прочел о визитах Вильгельма
И сразу смертельно устал

Шагал от дверей до окошка,
Барабанил марш по стеклу
И следил, как хозяйская кошка
Ловила свой хвост на полу.

Свистал. Рассматривал тупо
Комод, «Остров мертвых», кровать.
Это было и скучно, и глупо —
И опять начинал я шагать.

Взял Маркса. Поставил на полку.
Взял Гете – и тоже назад.
Зевая, подглядывал в щелку,
Как соседка пила шоколад.

Напялил пиджак и пальтишко
И вышел. Думал, курил…
При мне какой-то мальчишка
На мосту под трамвай угодил.

Сбежались. Я тоже сбежался.
Кричали. Я тоже кричал.
Махал рукой, возмущался
И карточку приставу дал.

Пошел на выставку. Злился.
Ругал бездарность и ложь.
Обедал. Со скуки напился
И качался, как спелая рожь.

Поплелся к приятелю в гости,
Говорил о холере, добре,
Гучкове, Урьеле д'Акосте —
И домой пришел на заре.

Утро… Мутные стекла как бельма.
Кипит самовар. Рядом «Русь»
С речами того же Вильгельма.
Встаю – и снова тружусь.

1910

Желтый дом

Семья – ералаш, а знакомые – нытики,
Смешной карнавал мелюзги,
От службы, от дружбы, от прелой политики
Безмерно устали мозги.
Возьмешь ли книжку – муть и мразь:
Один кота хоронит,
Другой слюнит, разводит грязь
И сладострастно стонет…

Петр Великий, Петр Великий!
Ты один виновней всех:
Для чего на Север дикий
Понесло тебя на грех?

Восемь месяцев зима, вместо фиников —
морошка.
Холод, слизь, дожди и тьма —
так и тянет из окошка
Брякнуть вниз о мостовую одичалой

головой…
Негодую, негодую… Что же дальше,
боже мой?!

Каждый день по ложке керосина
Пьем отраву тусклых мелочей…
Под разврат бессмысленных речей
Человек тупеет, как скотина…

Есть парламент, нет? Бог весть,
Я не знаю. Черти знают.
Вот тоска – я знаю – есть,
И бессилье гнева есть…
Люди ноют, разлагаются, дичают,
И постылых дней не счесть.

Где наше – близкое, милое, кровное?
Где наше – свое, бесконечно любовное?
Гучковы, Дума, слякоть, тьма, морошка…
Мой близкий! Вас не тянет из окошка
Об мостовую брякнуть шалой головой?
Ведь тянет, правда?

1908

Интеллигент

Повернувшись спиной к обманувшей надежде
И беспомощно свесив усталый язык,
Не раздевшись, он спит в европейской одежде
И храпит, как больной паровик.

Истомила Идея бесплодьем интрижек,
По углам паутина ленивой тоски,
На полу вороха неразрезанных книжек
И разбитых скрижалей куски.

За окном непогода лютеет и злится…

Стены прочны, и мягок пружинный диван.
Под осеннюю бурю так сладостно спится
Всем, кто бледной усталостью пьян.

Дорогой мой, шепни мне сквозь сон по секрету,
Отчего ты так страшно и тупо устал?
За несбыточным счастьем гонялся по свету
Или, может быть, землю пахал?

Дрогнул рот. Разомкнулись тяжелые вежды,
Монотонные звуки уныло текут:
«Брат! Одну за другой хоронил я надежды,
Брат! От этого больше всего устают.

Были яркие речи и смелые жесты
И неполных желаний шальной хоровод.
Я жених непришедшей прекрасной невесты,
Я больной, утомленный урод».

Смолк. А буря все громче стучала в окошко.
Билась мысль, разгораясь и снова таясь.
И сказал я, краснея, тоскуя и злясь:
«Брат! Подвинься немножко».

1908

Диета

Каждый месяц к сроку надо
Подписаться на газеты.
В них подробные ответы
На любую немощь стада.

Боговздорец иль политик,
Радикал иль черный рак,
Гениальный иль дурак,
Оптимист иль кислый нытик —
На газетной простыне
Все найдут свое вполне.

Получая аккуратно
Каждый день листы газет,
Я с улыбкой благодатной,
Бандероли не вскрывая,
Аккуратно, не читая,
Их бросаю за буфет.

Целый месяц эту пробу

Я проделал. Оживаю!
Потерял слепую злобу,
Сам себя не истязаю;
Появился аппетит,
Даже мысли появились…
Снова щеки округлились…
И печенка не болит.

В безвозмездное владенье
Отдаю я средство это
Всем, кто чахнет без просвета
Над унылым отраженьем
Жизни мерзкой и гнилой,
Дикой, глупой, скучной, злой…

Получая аккуратно
Каждый день листы газет,
Бандероли не вскрывая,
Вы спокойно, не читая,
Их бросайте за буфет.

1910

Два желания

1
Жить на вершине голой,
Писать простые сонеты…
И брать от людей из дола
Хлеб, вино и котлеты.

2
Сжечь корабли и впереди, и сзади,
Лечь на кровать, не глядя ни на что,
Уснуть без снов и, любопытства ради,
Проснуться лет чрез сто.

1909

Быт

Всероссийское горе

Всем добрым знакомым
с отчаянием посвящаю

Итак – начинается утро.
Чужой, как река Брахмапутра,
В двенадцать влетает знакомый.
«Вы дома?» К несчастью, я дома.
В кармане послав ему фигу,
Бросаю немецкую книгу
И слушаю, вял и суров,
Набор из ненужных мне слов.
Вчера он торчал на концерте —
Ему не терпелось до смерти
Обрушить на нервы мои
Дешевые чувства свои.

Обрушил! Ах, в два пополудни
Мозги мои были как студни…
Но, дверь запирая за ним
И жаждой работы томим,
Услышал я новый звонок:
Пришел первокурсник-щенок.
Несчастный влюбился в кого-то…
С багровым лицом идиота
Кричал он о «ней», о богине,
А я ее толстой гусыней
В душе называл беспощадно…
Не слушал! С улыбкою стадной
Кивал головою сердечно
И мямлил: «Конечно, конечно».

В четыре ушел он… В четыре!
Как тигр я шагал по квартире,
В пять ожил и, вытерев пот,
За прерванный сел перевод.
Звонок… С добродушием ведьмы
Встречаю поэта в передней.
Сегодня собрат именинник
И просит дать взáймы полтинник.
«С восторгом!» Но он… остается!
В столовую томно плетется,
Извлек из-за пазухи кипу

И с хрипом, и сипом, и скрипом
Читает, читает, читает…
А бес меня в сердце толкает:
Ударь его лампою в ухо!
Всади кочергу ему в брюхо!

Квартира? Танцкласс ли? Харчевня?
Прилезла рябая девица:
Нечаянно «Месяц в деревне»
Прочла и пришла «поделиться»…
Зачем она замуж не вышла?
Зачем (под лопатки ей дышло!)
Ко мне направляясь, сначала
Она под трамвай не попала?
Звонок… Шаромыжник бродячий,
Случайный знакомый по даче,
Разделся, подсел к фортепьяно
И лупит. Не правда ли, странно?
Какие-то люди звонили.
Какие-то люди входили.
Боясь, что кого-нибудь плюхну,
Я бегал тихонько на кухню
И плакал за вьюшкою грязной
Над жизнью своей безобразной.

1910

В гостях
(Петербург)

Холостой стаканчик чаю
(Хоть бы капля коньяку),
На стене босой Толстой.
Добросовестно скучаю
И зеленую тоску
Заедаю колбасой.

Адвокат ведет с коллегой
Специальный разговор.
Разорвись – а не поймешь!
А хозяйка с томной негой,
Устремив на лампу взор,
Поправляет бюст и брошь.

«Прочитали Метерлинка?»
– «Да. Спасибо, прочитал…»
– «О, какая красота!»
И хозяйкина ботинка

Взволновалась, словно в шквал.
Лжет ботинка, лгут уста…

У рояля дочь в реформе,
Взяв рассеянно аккорд,
Стилизованно молчит.
Старичок в военной форме
Прежде всех побил рекорд —
За экран залез и спит.

Толстый доктор по ошибке
Жмет мне ногу под столом.
Я страдаю и терплю.
Инженер зудит на скрипке.
Примирясь и с этим злом,
Я и бодрствую, и сплю.

Что бы вслух сказать такое?
Ну-ка, опыт, выручай!
«Попрошу… еще стакан»…
Ем вчерашнее жаркое,
Кротко пью холодный чай
И молчу, как истукан.

1908

Мухи

На дачной скрипучей веранде
Весь вечер царит оживленье.
К глазастой художнице Ванде
Случайно сползлись в воскресенье
Провизор, курсистка, певица,
Писатель, дантист и девица.

«Хотите вина иль печенья?» —
Спросила писателя Ванда,
Подумав в жестоком смущеньи:
«Налезла огромная банда!
Пожалуй, на столько баранов
Не хватит ножей и стаканов».

Курсистка упорно жевала.
Косясь на остатки от торта,
Решила спокойно и вяло:
«Буржуйка последнего сорта».
Девица с азартом макаки
Смотрела писателю в баки.

Писатель, за дверью на полке
Не видя своих сочинений,
Подумал привычно и колко:
«Отсталость!» И стал в отдаленьи,
Засунувши гордые руки
В трико́вые стильные брюки.

Провизор, влюбленный и потный,
Исследовал шею хозяйки,
Мечтая в истоме дремотной:
«Ей-богу! Совсем как из лайки…
О, если б немножко потрогать!»
И вилкою чистил свой ноготь.

Певица пускала рулады
Всё реже, и реже, и реже.
Потом, покраснев от досады,
Замолкла – «Не просят! Невежи…
Мещане без вкуса и чувства!
Для них ли святое искусство?»

Наелись. Спустились с веранды
К измученной пыльной сирени.
В глазах умирающей Ванды
Любезность, тоска и презренье:
«Свести их к пруду иль в беседку?
Спустить ли с веревки Валетку?»

Уселись под старой сосною.
Писатель сказал: «Как в романе…»
Девица вильнула спиною,
Провизор порылся в кармане
И чиркнул над кислой певичкой
Бенгальскою красною спичкой.

1910

Литературный цех

В редакции толстого журнала

Серьезных лиц густая волосатость
И двухпудовые, свинцовые слова:
«Позитивизм», «идейная предвзятость»,
«Спецификация», «реальные права»…

Жестикулируя, бурля и споря,
Киты редакции не видят двух персон:
Поэт принес «Ночную песню моря»,
А беллетрист – «Последний детский
сон».

Поэт присел на самый кончик стула
И кверх ногами развернул журнал,
А беллетрист покорно и сутуло
У подоконника на чьи-то ноги стал.

Обносят чай… Поэт взял два стакана,
А беллетрист не взял ни одного.
В волнах серьезного табачного тумана
Они уже не ищут ничего.

Вдруг беллетрист, как леопард, в поэта
Метнул глаза: «Прозаик или нет?»
Поэт и сам давно искал ответа:
«Судя по галстуку, похоже, что поэт…»

Подходит некто в сером, но по моде,
И говорит поэту: «Плач земли?..»
– «Нет, я вам дал три “Песни о восходе”».
И некто отвечает: «Не пошли!»

Поэт поник. Поэт исполнен горя:
Он думал из «Восходов» сшить штаны!
«Вот здесь еще “Ночная песня моря”,
А здесь – “Дыханье северной весны”».

– «Не надо, – отвечает некто в сером: —
У нас лежит сто весен и морей».
Душа поэта затянулась флером,
И розы превратились в сельдерей.

«Вам что?» И беллетрист скороговоркой:
«Я год назад прислал “Ее любовь”».
Ответили, пошаривши в конторке:
«Затеряна. Перепишите вновь».

– «А вот, не надо ль? – беллетрист
запнулся.—
Здесь… семь листов – “Последний детский
сон”».
Но некто в сером круто обернулся —
В соседней комнате залаял телефон.

Чрез полчаса, придя от телефона,
Он, разумеется, беднягу не узнал
И, проходя, лишь буркнул раздраженно:
«Не принято! Ведь я уже сказал!..»

На улице сморкался дождь слюнявый.

Смеркалось… Ветер. Тусклый, дальний гул.
Поэт с «Ночною песней» взял направо,
А беллетрист налево повернул.

Счастливый случай скуп и черств,
как Плюшкин.
Два жемчуга опять на мостовой…
Ах, может быть, поэт был новый Пушкин,
А беллетрист был новый Лев Толстой?!

Бей, ветер, их в лицо, дуй за сорочку —
Надуй им жабу, тиф и дифтерит!
Пускай не продают души в рассрочку,
Пускай душа их без штанов парит…

Между 1906 и 1909

«Смех сквозь слезы» (1809–1909)

Ах, милый Николай Васильич Гоголь!
Когда б сейчас из гроба встать ты мог,
Любой прыщавый декадентский щеголь
Сказал бы: «Э, какой он, к черту, бог?
Знал быт, владел пером, страдал.
Какая редкость!
А стиль, напевность, а прозрения печать,
А темно-звонких слов изысканная меткость?..
Нет, старичок… Ложитесь в гроб опять!»

Есть между ними, правда, и такие,
Что дерзко от тебя ведут свой тусклый род
И, лицемерно пред тобой согнувши выи,
Мечтают сладенько: «Придет и мой черед!»
Но от таких «своих», дешевых и развязных,
Удрал бы ты, как Подколесин, чрез окно…
Царят!
Бог их прости, больных, пустых и грязных,
А нам они наскучили давно.
Пусть их шумят… Но где *твои* герои?
Все живы ль, или, небо прокоптив,
В углах медвежьих сгнили на покое
Под сенью благостной
крестьянских тучных нив?
Живут… И как живут!
Ты, встав сейчас из гроба,
Ни одного из них, наверно, б не узнал:
Павлуша Чичиков – сановная особа
И в интендантстве патриотом стал —

На мертвых душ портянки поставляет
(Живым они, пожалуй, ни к чему),
Манилов в Третьей Думе заседает
И в председатели был избран… по уму.
Петрушка сдуру сделался поэтом
И что-то мажет в «Золотом руне»,
Ноздрев пошел в охранное – и в этом
Нашел свое призвание вполне.

Поручик Пирогов с успехом служит в Ялте
И сам сапожников по праздникам сечет,
Чуб стал союзником и об еврейском гвалте
С большою эрудицией поет.

Жан Хлестаков работает в «России»,
Затем – в «Осведомительном бюро»,
Где чувствует себя совсем в родной стихии:
Разжился, раздобрел, – вот борзое перо!..

Одни лишь черти, Вий да ведьмы и русалки,
Попавши в плен к писателям modernes,
Зачахли, выдохлись и стали страшно жалки,
Истасканные блудом мелких скверн…
Ах, милый Николай Васильич Гоголь!
Как хорошо, что ты не можешь встать…
Но мы живем! Боюсь – не слишком много ль
Нам надо слышать, видеть и молчать?

И в праздник твой,
в твой праздник благородный,
С глубокой горечью хочу тебе сказать:
«Ты был для нас источник многоводный,
И мы к тебе пришли теперь опять, —
Но «смех сквозь слезы» радостью усталой
Не зазвенит твоим струнам в ответ…
Увы, увы… Слез более не стало,
И смеха нет».
1909

Трагедия
(К вопросу о «кризисе современной русской литературы»)

Рожденный быть кассиром в тихой бане
Иль á гентом по заготовке шпал,
Семен Бубнов сверх всяких ожиданий
Игрой судьбы в редакторы попал.

Огромный стол. Перо и десть бумаги —
Сидит Бубнов, задравши кнопку-нос…
Не много нужно знаний и отваги,
Чтоб ляпать всем: «Возьмем»,
«Не подошло-с!»

Кто в первый раз – скостит наполовину,
Кто во второй – на четверть или треть…
А в третий раз – пришли хоть требушину,
Сейчас в набор, не станет и смотреть!

Так тридцать лет чернильным папуасом
Четвертовал он слово, мысль и вкус,
И наконец, опившись как-то квасом,
Икнул и помер, вздувшись, словно флюс.

В некрологах, средь пышных восклицаний,
Никто, конечно, вслух не произнес,
Что он, служа кассиром в тихой бане,
Наверно, больше б пользы всем принес.

1912

Невольная дань

Молитва

Благодарю тебя, создатель,
Что я в житейской кутерьме
Не депутат и не издатель
И не сижу еще в тюрьме.

Благодарю тебя, могучий,
Что мне не вырвали язык.
Что я, как нищий, верю в случай
И к всякой мерзости привык.

Благодарю тебя, единый,
Что в Третью Думу я не взят, —
От всей души, с блаженной миной
Благодарю тебя стократ.

Благодарю тебя, мой боже,
Что смертный час, гроза глупцов,
Из разлагающейся кожи
Исторгнет дух в конце концов.

И вот тогда, молю беззвучно,
Дай мне исчезнуть в черной мгле, —
В раю мне будет очень скучно,
А ад я видел на земле.

1907

Послания

Кумысные вирши

1
Благословен степной ковыль,

Сосцы кобыл и воздух пряный.
Обняв кумысную бутыль,
По целым дням сижу как пьяный.

Над речкой свищут соловьи,
И брекекекствуют лягушки.
В честь их восторженной любви
Тяну кумыс из липкой кружки.

Ленясь, смотрю на берега…
Душа вполне во власти тела —
В неделю правая нога
На девять фунтов пополнела.

Видали ль вы, как степь цветет?
Я не видал, скажу по чести;
Должно быть, милый божий скот
Поел цветы с травою вместе.

Здесь скот весь день среди степей
Навозит, жрет и дрыхнет праздно
(Такую жизнь у нас, людей,
Мы называем буржуазной).

Благословен степной ковыль!
Я тоже сплю и обжираюсь,
И на скептический костыль
Лишь по привычке опираюсь.

Бессильно голову склоня,
Качаюсь медленно на стуле
И пью. Наверно, у меня
Хвост конский вырастет в июле.

Какой простор! Вон пара коз
Дерется с пылкостью Аяксов.
В окно влетающий навоз
Милей струи опопанакса.

А там, в углу, перед крыльцом
Сосет рябой котенок суку.
Сей факт с сияющим лицом
Вношу как ценный вклад в науку.

Звенит в ушах, в глазах, в ногах,
С трудом дописываю строчку,
А муха на моих стихах
Пусть за меня поставит точку.

3
Бронхитный исправник,
Серьезный как классный наставник,
С покорной тоской на лице,
Дороден, задумчив и лыс,
Сидит на крыльце
И дует кумыс.

Плевритный священник
Взопрел, как березовый веник,
Отринул на рясе крючки,
И – тощ, близорук, белобрыс —
Уставил в газету очки
И дует кумыс.

Катарный сатирик,
Истомный и хлипкий, как лирик,
С бессмысленным, пробковым взглядом
Сижу без движения рядом.
Сомлел, распустился, раскис
И дую кумыс.

«В Полтаве попался мошенник», —
Читает со вкусом священник.
«Должно быть, из левых», —
Исправник басит полусонно.
А я прошептал убежденно:
«Из правых».

Подходит мулла в полосатом,
Пропахшем муллою халате.
Хихикает… Сам-то хорош! —
Не ты ли, и льстивый и робкий,
В бутылках кумысных даешь
Негодные пробки?

Его пятилетняя дочка
Сидит, распевая, у бочки
В весьма невоспитанной позе.
Краснею как скромный поэт,
А дева, копаясь в навозе,
Смеется: «Бояр! Дай конфет!»

«И в Риге попался мошенник!» —
Смакует плевритный священник.
«Повесить бы подлого Витте», —
Бормочет исправник сквозь сон.
«За что же?!» И голос сердитый

Мне буркнул: «*Все он*»…

Пусть вешает. Должен цинично
Признаться, что мне безразлично.
Исправник глядит на муллу
И тянет ноздрями: «Вонища!»
Священник вздыхает: «Жарища!»
А я изрекаю хулу:
«Тощища!!»

Провинция

Бульвары

Праздник. Франты гимназисты
Занимают все скамейки.
Снова тополи душисты,
Снова влюбчивы еврейки.

Пусть экзамены вернулись…
На тенистые бульвары,
Как и прежде, потянулись
Пары, пары, пары, пары..

Господа семинаристы
Голосисты и смешливы,
Но бонтонны гимназисты
И вдвойне красноречивы.

Назначают час свиданья,
Просят «веточку сирени»,
Давят руки на прощанье
И вздыхают, как тюлени.

Адъютантик благовонный
Увлечен усатой дамой.
Слышен голос заглушенный:
«Ах, не будьте столь упрямой!»

Обещает. О, конечно,
Даже кошки и собачки
Кое в чем не безупречны
После долгой зимней спячки…

Три акцизника портнихе
Отпускают комплименты.
Та бежит и шепчет тихо:
«А еще интеллигенты!»

Губернатор едет к тете.
Нежны кремовые брюки.
Пристяжная на отлете
Вытанцовывает штуки.

А в соседнем переулке
Тишина, и лень, и дрема.

Все живое на прогулке,
И одни старушки дома.

Садик. Домик чуть заметен.
На скамье у старой елки
В упоеньи новых сплетен
Две седые балоболки.

«Шмит к Серовой влез в окошко…
А еще интеллигенты!
Ночью, к девушке, как кошка…
Современные… Студенты!»

1908

При лампе

Три экстерна болтают руками,
А студент-оппонент
На диван завалился с ногами
И, сверкая цветными носками,
Говорит, говорит, говорит…

Первый видит спасенье в природе,
Но второй, потрясая икрой,
Уверяет, что только – в народе.
Третий – в книгах и в личной свободе,
А студент возражает всем трем.

Лазарь Ро́зенберг, рыжий и гибкий,
В стороне на окне

К Дине Блюм наклонился с улыбкой.
В их сердцах ангел страсти на скрипке
В первый раз вдохновенно играл.

В окна первые звезды мигали.
Лез жасмин из куртин.
Дина нежилась в маминой шали,
А у Лазаря зубы стучали
От любви, от великой любви!..

Звонко пробило четверть второго —
И студент-оппонент
Приступил, горячась до смешного,
К разделению шара земного.
Остальные устало молчали.

Дым табачный и свежесть ночная…
В стороне, на окне,
Разметалась забытая шаль, как больная,
И служанка внесла, на ходу засыпая,
Шестой самовар…

1908

На галерке
(В опере)

Предо мною чьи-то локти,
Ароматный воздух густ,
В бок вцепились чьи-то ногти,
Сзади шепот чьих-то уст:
«В этом месте бас сфальшивил!»
«Тише… Браво! Ш-а! Еще!!»
Кто-то справа осчастливил —
Робко сел мне на плечо.
На лице моем несчастном
Бьется чей-то жирный бюст,
Сквозь него на сцене ясно
Вижу будочку и куст.
Кто-то дышит прямо в ухо.
Бас ревет: «О, па-че-му?!»
Я прислушиваюсь сухо
И не верю ничему.

1908

На музыкальной репетиции

Склонив хребет, галантный дирижер
Талантливо гребет обеими руками —
То сдержит оком бешеный напор,
То вдруг в падучей изойдет толчками…

Кургузый добросовестный флейтист,
Скосив глаза, поплевывает в дудку.
Впиваясь в скрипку, тоненький, как глист,
Визжит скрипач, прижав пюпитр к желудку.

Девица-страус, сжав виолончель,
Ключицами прилипла страстно к грифу,
И, бесконечную наяривая трель,
Все локтем ерзает по кремовому лифу.

За фисгармонией унылый господин
Рычит, гудит и испускает вздохи,
А пианистка вдруг, без видимых причин,
Куда-то вверх полезла в суматохе.

Перед трюмо расселся местный лев,
Сияя парфюмерною улыбкой, —
Вокруг колье из драгоценных дев
Шуршит волной томительной и гибкой…

А рядом чья-то mère[1], в избытке чувств,
Вздыхая, пудрит нос, горящий цветом мака:
«Ах, музыка, искусство из искусств,
Безумно помогает в смысле брака!..»

1910

[1] Мать (фр.)

Лирические сатиры

Под сурдинку

Хочу отдохнуть от сатиры…
У лиры моей
Есть тихо дрожащие, легкие звуки.
Усталые руки
На умные струны кладу,
Пою и в такт головою киваю…

Хочу быть незлобным ягненком,
Ребенком,
Которого взрослые люди дразнили и злили,
А жизнь за чьи-то чужие грехи
Лишила третьего блюда.

Васильевский остров прекрасен,
Как жаба в манжетах.
Отсюда, с балконца,
Омытый потоками солнца,
Он весел, и грязен, и ясен,
Как старый маркёр.

Над ним углубленная просинь
Зовет, и поет, и дрожит…
Задумчиво осень
Последние листья желтит,
Срывает,
Бросает под ноги людей на панель…
А в сердце не молкнет свирель:
Весна опять возвратится!

О зимняя спячка медведя,
Сосущего пальчики лап!
Твой девственный храп
Желанней лобзаний прекраснейшей леди.
Как молью изъеден я сплином…
Посыпьте меня нафталином,
Сложите в сундук и поставьте меня
на чердак,
Пока не наступит весна.

1909

Из книги «Сатиры и лирика»

Бурьян

«Безглазые глаза надменных дураков…»

Безглазые глаза надменных дураков,
Куриный кодекс модных предрассудков,
Рычание озлобленных ублюдков
И наглый лязг очередных оков…
А рядом, словно окна в синий мир,
Сверкают факелы безумного Искусства:
Сияет правда, пламенеет чувство,
И мысль справляет утонченный пир.

Любой пигмей, слепой, бескрылый крот,
Вползает к Аполлону, как в пивную, —
Нагнет, икая, голову тупую
И сладостный нектар как пиво пьет.

Изучен Дант до неоконченной строфы,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.